

Ольга Левицкая

Магистр теоретической лингвистики, университет Йорк, Канада

E-mail: olevitski@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3747-2442

Sarah Wobick-Segev. Homes Away from Home. Jewish Belonging in Twentieth-Century Paris, Berlin, and St. Petersburg.

Stanford: Stanford university press. 2018.

ISBN: 9781503605145. 312 p.

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.18

Книга состоит из 5 частей, озаглавленных следующим образом:

1. Личное пространство. Дружба, содружество и братство.
2. Любовь и проявление чувств. Автономия, свобода выбора и брак.
3. Взросление и воспитание. Детство и юношество
4. Иудаизм: обряды перехода и традиционные праздники. Старое и новое.
5. Восстановление после Катастрофы. Воспоминания очевидцев и возвращение к жизни.

Книга предлагает читателям новый взгляд на формирование в XX в. еврейской групповой самоидентификации в трех городах – Париже, Берлине и Санкт-Петербурге – через призму городской топографии, повседневных практик, поведения и бытовых привычек. Книга предлагает взглянуть на социальную топографию этих трех городов с нового ракурса и показывает, что в их «еврейском» пространстве было больше сходства, чем различий. Автор отказывается от принятой в литературе дихотомии Восток – Запад, появление которой во многом было связано с коллективным еврейским самовосприятием и самоощущением «Востока» – как более религиозного и ориентированного на идишскую языковую культуру, и «Запада» – как более светского и ориентированного на европейские языки, манеры и ценности. Подобное противопоставление долгое время не подвергалось сомнению, так как в нем находили выражение стереотипы самих евреев, мигрировавших и приспособившихся к жизни в новых условиях.

В первой главе показано, как на фоне общих процессов еврейской ассимиляции в европейском обществе для сохранения групповой соли-

дарности и идентичности все большее количество евреев обращалось к новым формам и способам общения, таким как, например, кафе. В кафе писатели, интеллектуалы, артисты, иммигранты и рабочие общались в непринужденной дружеской и братской атмосфере, в то время как рестораны и отели чаще использовались для более официальных общественных мероприятий, направленных на укрепление групповой солидарности и построения еврейского культурного сообщества путем совместного отмечания еврейских праздников.

Во второй главе исследуются изменения в матримониальной сфере, а именно переход от брака по предварительной договоренности со сватами к независимому союзу. Знакомство молодых людей становится возможным, главным образом, благодаря новым формам развлечения и проведения досуга. Это приводит к созданию брачного рынка нового типа и новых форм семейных отношений. На смену традиционной патриархальной семье приходит семья, построенная на новых ценностях личной автономии. В результате меняются социальные ожидания, нормы и границы дозволенного. Несмотря на внешне большую свободу выбора, механизмы контроля за сохранением социального и экономического статуса на брачном рынке все же существуют, но в скрытой форме (например, отсеивание нежелательных претендентов с помощью цен на билеты на балы или выбор более дорогого курорта).

В третьей главе исследуются новые тенденции в воспитании нового поколения. Главная задача воспитания – избежать полной ассимиляции. Для поддержания духа еврейства и иудаизма создаются летние лагеря и юношеские организации, в которых с помощью образовательных, оздоровительных и развлекательных программ и мероприятий детям и подросткам прививаются еврейские религиозные и гражданские ценности. Очень важным является аспект санитарии и заботы о физическом и моральном здоровье подрастающего поколения. В этом отношении проявляется не только сходство, но и отличия трех городов. Если Париж и Берлин с окрестностями являлись центрами организации детского и юношеского досуга, то Санкт-Петербург был скорее риторическим, а не физическим центром, откуда шли призывы из прессы, но на деле все мероприятия проводились на территории черты оседлости. Несмотря на ярко выраженную идеологическую и оздоровительную направленность, подобные места детского отдыха и досуга – часть общего еврейского рынка потребления, который проявлялся в новых формах общения. Так же, как и культурный и брачный рынок, он был связан не только с меняющимися нормами, ожиданиями и ценностями, но и с экономическими интересами.

В четвертой главе рассматриваются бытовые привычки и практики, связанные с проведением религиозных и семейных праздников и обрядов перехода. С точки зрения рынка потребления, в этой области

происходит отказ от старых и привычных форм празднования дома и освоение нового коммерческого пространства (например, в ресторанах или отелях). Подобные изменения не остаются без внимания религиозных лидеров, которые, пользуясь случаем, всячески поддерживают и одобряют новые практики (и, как результат, способы потребления), так как они позволяют сохранять единство сообщества и способствуют поддержанию еврейской групповой идентичности. Кроме того, специально для детей и с целью подогреть их интерес к еврейству, изобретаются новые праздники, традиции и ритуалы. В книге отдельно отмечаются балы, которые приобретают популярность и становятся одной из излюбленных форм проведения многих еврейских праздников.

В последней главе исследуется вопрос о том, как одни и те же довоенные формы и модели организации еврейского досуга снова постепенно начинают оживать в Париже и Берлине после Второй Мировой войны. Пространство для еврейского общения организуется по довоенному образцу, что играет очень важную роль в сплочении как детей, так и взрослых, а также способствует восстановлению еврейской жизни в Париже и Берлине, но не в Петербурге/Ленинграде – по понятным идеологическим причинам.

В центре внимания автора – концепция проведения еврейского досуга в новых и нетрадиционных местах в XX в. Книга представляет историю социальной мобильности ашкеназских евреев по частным документам и еврейской прессе, и показывает, как они постепенно получали статус полноценных участников современного им общества в трех крупных европейских городах.

Автор предлагает пересмотреть некоторые исторические, личные и бытовые документы, а также периодику эпохи, с точки зрения истории еврейского пространства. Начиная с 1990-х годов еврейское пространство как концепт прочно вошло в научный дискурс по истории европейского еврейства. Однако, недостаточно внимания обращалось на взаимоотношения личности с пространством, или, иными словами, на то, как себя ощущали реальные люди в местах, предназначенных для общения, какую роль места общения играли в построении групповой самоидентификации, и как это отражалось в их частной переписке, дневниках, вкусовых предпочтениях и в потреблении культурной продукции. Книга воссоздает индивидуальное мироощущение. Выбранные три города представляют собой наиболее яркие примеры высокой концентрации и интенсивности еврейской городской жизни и поэтому являются репрезентативными.

В книге сравниваются бытовые привычки и способы проведения индивидуального и группового досуга среди евреев, принадлежавших к разным социально-экономическим слоям в Западной, Центральной и Восточной Европе. Книга демонстрирует постепенность процесса

перехода от общинной жизни (синагоги, ешивы и миквы как центров общения) к городскому укладу, и замещения старых социально-религиозных институтов новыми, такими как Гилель, еврейские общинные и культурные центры, летние лагеря, Хабад. Постепенная эмансипация и интеграция евреев во все аспекты европейской жизни приводит к тому, что участие в традиционных еврейских культурных и религиозных институтах становится необязательным. Это дает толчок к возникновению новых способов социализации, проведения досуга и организации свободного времени. Возникают новые локусы и пространства для совместного проведения времени и программы развлечений – т.е. новые практики. Процесс гентрификации и, как результат, изменение и расширение физических границ, внутри которых раньше была возможна еврейская жизнь, а также изменение представления о том, что она собой представляет, можно проследить, изучая роль ежедневных бытовых практик и процессов потребления.

В книге предлагается сравнительный анализ трех крупнейших европейских городов, которые до этого под подобным углом не рассматривались, и делается попытка реконструировать настроения, быт и привычки принадлежащих к разным слоям евреев в определенный исторический момент. В книге подробно описываются формы, институты общения и локусы пересечения двух совершенно разных типов ашкеназских евреев в Париже (французских и эльзасских) и иммигрантов из Восточной Европы, и поиски ими общего языка и точек соприкосновения по политическому, идеологическому и религиозному признаку, но не по типу и привычкам потребления и проведения досуга.

Таким образом, в книге история рассматривается через призму практик, быта, досуга и пространства. Однако, при том, что книга соединяет исторические и социологические методы, социологическая составляющая в ней менее проработана, чем хотелось бы. Поскольку потребление находится в фокусе исследования, совершенно необходимо контекстуализировать его ссылками на Торстейна Веблена. Поскольку недостаточно освещена тема демонстративного потребления и совсем не упоминается теория праздного класса Веблена, подробное описание привычек состоятельных городских евреев (включая гастрономические), кажется тривиальным и немного оторванным от теоретических построений на ту же тему.

При очень внушительной библиографии и подробно проработанных документах на 6 языках (английский, французский, немецкий, иврит, идиш, русский), в книге не хватает ссылок на теоретические работы, посвященные практикам повседневности и социологии города (упоминается только одна работа Пьера Бурдьё и одна работа Георга Зиммеля, но нет, например, ссылок, на Мишеля де Серто). Несмотря на то, что ав-

тор ссылается на Бурдые, недостаточно разработана тема власти и форм контроля и культурного капитала через составляющие габитуса.

Впрочем, это – небольшое замечание; в целом, эта замечательная книга предлагает читателю окунуться в очень живую атмосферу и дает этнографически полную и достоверную картину еврейской жизни в этих городах. Книга напоминает о необходимости этнографического наблюдения и фиксации всех составляющих габитуса в каждый отдельно взятый исторический момент, потому что он уникален и неповторим, его населяют живые люди, чье сегодняшнее поведение определяет будущее.

Книга, является очень важным и своевременным вкладом в изучение построения еврейской групповой идентичности в урбанистическом контексте. С нашей точки зрения, в книге недостаточно методологически освещено то, как многие важные обобщения и наблюдения, представленные в ней на материале трех городов, в дальнейшем могут быть перенесены и на другие города, не только европейские, но и, например североамериканские. Многие процессы построения еврейской групповой идентичности, вместе с сопутствующим им антагонизмом, борьбой за влияние, механизмами контроля статуса-кво, вкусовыми предпочтениями и формами отчуждения, безусловно связаны с социо-демографическими и экономическими характеристиками и проявляются одинаковым образом и в других географических и лингвистических контекстах. Поэтому очень важно выработать единый метаязык и способы оценки, применимые для исследователей, работающих в других современных еврейских сообществах.

Рецензируемая книга выиграла бы от упоминания работы «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)». Еще один аспект, который остался без должного внимания – это семиотика города. Любой город, если его рассматривать как многослойный текст, обладает своей особенной мифологией и культурной памятью, которая накладывает отпечаток на темперамент и поведение жителей. Например, особенностью мифологии Петербурга [Топоров 1995] является то, что в нем невозможно жить, не поддаваясь влиянию его культурных императивов.

Атмосфера города и привычки его жителей формируются не ментально; любой город – живой организм, постоянно изменяющийся, но при этом сохраняющий свои исторические особенности. Поэтому несмотря на сходство в процессе формирования городской еврейской идентичности, каждый город наносил свой отпечаток на темперамент и характер жителей. Если речь идет о габитусе, бытовых привычках и элементах коллективной городской самоидентификации, совершенно необходимо помнить, что Париж и Санкт-Петербург формировались как имперские столицы и культурные и экономические центры, в то время, как у Берлина были совсем другие особенности, и в XIX в. он не был таким блестящим центром [Арендт 1957].

Литература

- Арендт 1957 – *Arendt H. Rahel Varnhagen: The Life of a Jewess*. 1957. 388 p.
 Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.

Библиография

- Pierre Bourdieu. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Randall Johnson (Translator). 1998
 Michel de Certeu. *The practice of everyday life*. Stephen Randal (Translator). University of California press, 1984.
 Олег Будницкий, Александра Полян. *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)*. Новое литературное обозрение. 2015.
 Семиотика города: Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллиннском университете (3-5 июня 2011 г.) Издательство Таллиннского университета. Таллинн.
 Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.
 Hannah Arendt. *Rahel Varnhagen: The Life of a Jewess*. 1957. 388 p.
 Thorstein Veblen. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. Oxford World's Classics.

Olga Levitsky

MA, Theoretical Linguistics, York University, Canada
 Proposal Writer, 701 Sheppard Ave. West Apt. 202, North York, ON, Canada, M3H 0B2
 E-mail: olevitski@gmail.com
 ORCID: 0000-0003-3747-2442